

общего принципа "Вначале было дело" (die Tat – Гете), но не из главного для Франка положения Библии о том, что "Вначале было слово (логос и т.д.)". На этой основе глубоко решаются (теоретически и экспериментально) вопросы о том, материальна психика или не материальна (см. выше), что такое интуиция (которая вовсе не есть божественное откровение) и т.д. Особое внимание уделяется изучению реальных жизненных условий, при которых люди (дети и т.д.) начинают верить в Бога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности. М.–Воронеж, 1999.
3. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.–СПб., 1997.
4. Брушлинский А.В. Психология мышления и кибернетика. М., 1970.
5. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.–Воронеж, 1996.
6. Брушлинский А.В. Андеграунд диамата // Независимая газета. 16 июня 1999 (приложение "Наука").
7. Гайденок П.П. Метафизика конкретного всеединства, или Абсолютный реализм С.М. Франка // Вопросы философии. 1999. № 5.
8. Евлампиев И.И. Человек перед лицом абсолютно-го бытия: мистический реализм Семена Франка //

- Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб., 1995.
9. Ломов Б.Ф. Системность в психологии. М.–Воронеж, 1996.
10. Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки. М., 1997.
11. Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982.
12. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
13. Психологическая наука в России XX столетия. М., 1997.
14. Радлов Э.Л. Философский словарь. М., 1913.
15. Российский менталитет. М., 1997.
16. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
17. Рубинштейн С.Л. Избр. философско-психологические труды. М., 1997.
18. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 4-е изд. СПб., 1999.
20. Франк С.Л. Духовные основы общества. Нью-Йорк, 1988.
21. Франк С.Л. Сочинения. М., 1990.
22. Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
23. Франк С.Л. Реальность и человек. М., 1997.
24. Bunge M., Ardila R. Philosophy of Psychology. New York, 1987.
25. Moscovici S. Social Consciousness and Its History // Culture and Psychology. 1998. V. 4. № 3.

PHILOSOPHY AND PSYCHOLOGY: S.L. RUBINSTEIN AND S.L. FRANK

A. V. Brushlinsky

Corr. member of RAS, director of Institute of Psychology RAS, Moscow

The systematic juxtaposition of S.L. Rubinstein's and S.L. Frank's theories has been begun for the first time. It was shown that the both authors deeply revealed the specific character of human mind but each of them did it differently: S.L. Frank thought in terms of Platonism and S.L. Rubinstein reasoned from the positions of subject-activity approach. The relation between anti-psychologism (Platonism) and psychologism has been analyzed in relevance to the theory of the "third world" of K. Popper.

Key words: subject, activity, psychology and logic of thinking.

ПСИХОЛОГИЯ
И ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ХХІ в.¹

СООТНОШЕНИЕ ЭГОЦЕНТРИЗМА И АЛЬТРУИЗМА ЛИЧНОСТИ:
ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

© 1999 г. А. Н. Славская

Канд. психол. наук, науч. сотр. ИП РАН, Москва

Рассматриваются проблемы соотношения эгоцентризма и альтруизма личности. Прослеживается их развитие, возникающие противоречия, которые разрешаются интерпретациями на уровне сознания и экзистенциальных способов связи личности с миром. Реконструируются теоретически в терминах онтогенеза основные функции интерпретации в обеспечении самовыражения, идентичности, особенностей внутреннего мира личности и этапов развития ее “Я”.

Ключевые слова: интерпретация, субъект, обобщение, конкретизирующая абстракция, экзистенциальность, определенность, самосознание, саморегуляция, самовыражение.

Психология российской личности сегодня – одна из решающих жизненных проблем самой личности и общества в целом. Необходимое для ее нормального психического состояния соотношение времен – прошлого, настоящего и будущего – сужено только до настоящего: не для каждого прошлый опыт оказался пригодным в новых условиях, а жизненная перспектива, связанная с будущим общества, закрыта или неопределенна. Но для того, чтобы жить и действовать, нужна определенность. Если же ее нет в окружающей действительности, если каждый шаг в ней – эксперимент с неизвестным исходом, а для каждого нового дня опыт вчерашнего уже непригоден, то эту определенность личность может обрести, полагаясь только на саму себя.

При отсутствии концепции современного общества особенно необходима концепция собственной жизни (определение человеком своего способа жизни, его связи с другими людьми, размещенности в социальном, профессиональном пространстве). Эта концепция вырабатывается сознанием личности. В отличие от подходов к сознанию как к абстракции С.Л. Рубинштейн определил его как присущую человеку способность регулировать свое соотношение с миром и тем самым открыл перспективу психологическому исследованию сознания как *жизненной способности личности*. Ключевой для этих исследований явилась данная С.Л. Рубинштейном характеристика сознания как субъективного [7]. Именно эта характеристика позволяет по-новому осмыслить уровневую структуру сознания, к которой при-

влекли внимание (каждый по-своему) З. Фрейд, К. Юнг и другие психологи. Фрейд выявил закономерные для всех людей универсальные соотношения сознательного и бессознательного. Юнг – их типологические, личностные особенности, связанные с экстра- и интроверсией, которые соотнос с психическим складом восточного и западного типов личности, выявив у каждого ведущую роль бессознательного (архетипического) или сознательного (рационального) уровней в их самоорганизации и организации своей жизни [17].

Определение сознания как высшей жизненной способности личности позволило включить в число его процедур *интерпретацию* и подойти к изучению ее психологической сущности и жизненных функций [1, 9, 10]. Одновременно постепенный отказ методологии науки от рассмотрения чистой логики знания, преемственности теорий, введение П. Файерабендом фигуры ученого как автора определенной теории, имеющего свое конкретное мнение, а М. Полани – категории “личностного знания” позволили перейти от абстракций текста и определения интерпретации только как его понимания к раскрытию ее как *способности субъекта вырабатывать свое мнение*, т.е. *интерпретировать*.

Герменевтическое понятие интерпретации на основе раскрытия ее психологического содержания и личностной функции преобразовалось в понятие *субъекта интерпретирования*, что позволило учесть и ввести в контекст рассмотрения задач интерпретирования *способ жизни субъекта*.

Примером глубочайшего различия масштабов этого контекста, проявившегося в способе и содержании интерпретирования, явилось разногласие К.С. Станиславского и А.П. Чехова, возникшее по поводу его пьесы “Вишневый сад”. Чехов писал ее в последние дни своей жизни.

¹ Рубрика поддержана “Институтом Открытое общество. Фонд содействия” (грант НАД807).

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 97-06-08193).

Антоше Чехонте было легче расстаться с жизнью, дистанцировавшись от нее, с юмором отнестись к трагедии своей жизни и смерти. Следуя этой жизненной позиции и логике, он назвал пьесу фарсом. Когда Станиславский прочел пьесу, он не думал ни о Чехове, ни о том, что написание ее было прощанием автора с жизнью, — он исходил только из содержания и начал ставить ее как трагедию, отказавшись от всех чеховских рекомендаций по поводу исполнителей ролей (кроме О.Л. Книппер-Чеховой). Чехов увидит на сцене интерпретацию Станиславским своей пьесы, и, не сказав ни слова, навсегда уйдет из театра.

Личность как субъект интерпретирования не произведения, а собственной жизни и судьбы в социуме вправе сама определить, какой *контекст*, какого масштаба она включит в процесс выработки своего мнения и вывода. Она может совершенно произвольно соединять взятые из разных областей жизни события, фрагменты, факты, смыслы, оценки. Она имеет право исходить из критериев (соображений) престижа, материальной обеспеченности, собственного достоинства или даже здоровья, создавая композицию интерпретации или интегральную концепцию.

Таким образом, в русле концепции субъекта С.Л. Рубинштейна и процессуального подхода к психике и мышлению, разработанного А.В. Брушлинским, мы теоретически и экспериментально доказали, что интерпретация не только может быть предметом изучения герменевтики и лингвистики, но и должна стать предметом изучения психологии [9]. Она представляет собой наиболее *динамичный* механизм сознания и мышления, парадоксальным образом нацеленный на придание *определенности* мнению, *выражающему отношение* субъекта. Там, где есть логические операции, научные формулы, они в значительной мере определенным образом структурируют мышление, придавая его результатам и выводам достоверность, закономерность.

Но если речь идет о выражении субъективной “логики” личности, ценностно-смыслового выражения ее позиции? Во-первых, субъектом интерпретируются не только тексты, но и события, личности людей, их поступки, собственная жизнь. Выработывая свое отношение к действительности, личность определяется в своем мнении. Социологи интересуются общественным мнением, а в эпоху плюрализма — различием мнений по тому или иному поводу. Но их не интересует процесс выработки этого мнения, степень его определенности или случайности, существенности или поверхностности [28]. Выражая свое мнение, личность осуществляет процесс интерпретирования, который всегда завершается *выводом*, аккумулярованным представляющим это мнение. Во-вторых, интерпретирование отличается от отдельных оценок, ценностей, смыслов, оно есть создание личностью *собственной концепции*, в которой главное — установление *семантики составляющих*. В этой концепции личность произвольно соединяет разные области жизни, разно-

родные оценки, наблюдения, смыслы. В ходе интерпретирования возникают сомнения в правомерности того или иного способа соединения разнорядковых данных, “версии”, гипотезы об ином способе связи. В поиске этих способов связи, в праве привлекать самые различные данные и комбинировать их любым образом проявляется свобода, авторское право личности.

Именно *свобода* является предпосылкой и условием *обобщения*. Обобщение, предлагаемое личностью в *интерпретационном выводе* (в отличие от научного и интеллектуального), не обязательно выделяет нечто общее и тем более — объективно существенное, общезначимое. Оно выражает то, что представляет ценность и *существенно для субъекта*. В этом смысле личность выступает автором своего мнения. Повторяя эмпирически полученные результаты исследования интерпретирования, напомним, что изначально мнение одного типа респондентов уже определено, “априорно”, что исключает дальнейший процесс интерпретирования, работу сознания; мнение другого — неявно для него самого, поэтому только в интерпретировании достигается определенность и мнения, и позиции субъекта. Такой вывод имеет “апостериорный” характер, является результатом развернутого процесса.

Предметом или сферой интерпретации становятся различные области: политика, право, экономика, т.е. и социальная, и личная жизнь, когда интерпретируются взаимоотношения, поведение, поступки людей, жизненные события. Предметом интерпретации могут быть и научные концепции; когда к ним проявляется позитивное или критическое отношение, они становятся “корнем” роста новых концепций и знаний. Субъект интерпретации, чтобы выработать свое мнение, *дистанцируется* от них, разрушает или переструктурирует авторское целое или, напротив, максимально идентифицируется с логикой и точкой зрения автора [9].

На основе проведенного эмпирического исследования некоторых механизмов и личностных типов интерпретации авторских концепций можно теперь обратиться к выявлению основных ее функций.

Важнейшей — *генетически* — является *выделение самого субъекта* из его непосредственной связи с действительностью. И *исторически*, и *онтогенетически* первично единство индивида с действительностью. А.Ф. Лосев считает, что интерпретация себя дикарем через сравнение с животными или богами в мифологии древних первоначально выступает как символический способ переживания своего единства, синкретической связи с миром, только затем — как *выражение потребности отделить* себя от окружающего [4, с. 105]. Онтогенетически первична интерпрета-

ция ребенком своего "Я" как "Мы" в синкретическом единстве с матерью. Далее, посредством интерпретации, происходит выделение и обособление личности из этого единства. Наконец, и теоретически, если в определении взрослой личности следовать концепции отношений В.Н. Мясищева, оказывается, что в этих отношениях нет границы между внешним и внутренним, они являются единством внутреннего и внешнего, соединяя "Я" с миром [5]. Но тогда необходима роль сознания, самосознания и функция интерпретации, которая выделяет субъекта из этого единства. Повидимому, эти интерпретации как исторически, так и онтогенетически — и у ребенка, и у взрослого — осуществляются бессознательным "Я".

В яркой форме об этом бессознательном "Я" написала Нина Берберова: "...мне с самых ранних лет думалось, что у каждого человека есть свой по man's land (ничейная земля. — *Перевод мой*), в котором он сам себе полный хозяин. Видимая для всех жизнь — одна, другая принадлежит только ему одному, и о ней не знает никто... Но человек время от времени живет бесконтрольно, в свободе и тайне... пусть час в день, вечер в неделю или день в месяц он живет этой своей тайной и свободной жизнью...

Эти часы либо что-то дополняют к видимой жизни, либо имеют самостоятельное значение; они могут быть радостью, или необходимостью, или привычкой, но для выпрямления какой-то "генеральной линии" они необходимы. Если человек не пользуется этим своим правом или вследствие обстоятельств этого права лишен, он когда-нибудь будет удивлен, узнав, что в жизни не встретил самого себя... В этом по man's land люди плачут или пьют, или вспоминают что-нибудь, о чем никому неизвестно, или рассматривают свои босые ноги, или стараются на лысой голове найти новое место для пробора, или листают иллюстрированный журнал... я не знаю да и не хочу знать... Только не надо думать, что эта другая жизнь, этот по man's land, есть праздник, а все остальное — будни. Не по этой черте проходит деление, оно проходит по линии абсолютной тайны и абсолютной свободы" [2, с. 35].

Описанное Н. Берберовой может быть на первый взгляд названо чувством одиночества. Но если это и одиночество, то главным в нем оказывается неосознаваемое утверждение *идентичности* своего "Я". Это утверждение не связано ни с какой-либо напряженной концентрацией на своем "Я", ни тем более с рефлексией. Непроизвольная бессознательная активность подобна игре, и ее средствами могут быть как образы, так и чувствования, как движения, так и переживания. Безразлично, в какой форме она осуществляется, поскольку смыслом ее является создание композиции своего личностно-экзистенциального, экзистенциально-психического пространства. Духовно-экзистенциальное воспроизводство есть одновременно и внутренняя, и реальная жизнь, но иногда внутренняя осуществляется относительно к реальной, а иногда безотносительно к ней.

Как справедливо пишет Берберова, здесь человек свободен. И свобода его, в отличие от свободы субъекта, личности, заключается в проявлении и утверждении себя, в возможности выбора способа самоидентичности и самовыражения, в

свободе как отсутствию жесткой логики в самой экзистенциальности.

Выделение своего "Я" из непосредственной связи с миром достигается интерпретацией, подтверждающей его идентичность как бессознательно, так и на уровне сознания и самосознания.

Выбор собственного жизненного пространства и определение в нем своей позиции и способов поведения связан с процедурами самосознания, главной из которых является "самоинтерпретация": "Такая самоинтерпретация не является, однако, ни простым, ни прямолинейным делом. И идет она круглым путем — через этическую оценку наших действий. Тем не менее эта косвенная оценка себя — как оценка своих действий — приводит к невероятному расширению "Я"-концепции. "Я" как "тот, кто действует", — это не только самообозначение человека как владельца и "автора" каких-то деяний. Это еще и его самоинтерпретация в терминах достижений и неудач в той области, которую мы обозначили как практики и жизненные планы" [6, с. 49; 27].

Важнейшим проявлением самосознания можно считать потребность в организации своей жизни, включая в нее все: и взаимоотношения с другими, и занятия, и познание, и деятельность [16]. Личность начинает идентифицировать свою индивидуальность, подтверждать свое "Я" на основе проб жизни, осуществляющихся в реальном времени и пространстве.

Достижение *идентичности* на основе самоинтерпретации осуществляется не только в случае определения своего "Я" при *выделении* его из общности, но и при *изменении действительности*, а также изменениях, связанных с динамикой жизненного пути. Сегодня перед взрослой личностью вновь встает задача определения собственной жизненной позиции, идентичности своего "Я" в изменившихся российских условиях. Для сохранения самообладания, дееспособности личность должна заново решать задачу самоинтерпретации, отвечая на вопросы: "Кто я", "Что я сегодня способна(могу) делать", "Чего я хочу"? Эти три модальности Рубинштейн использовал для теоретического определения личности. В настоящее время личность должна охватить их своим сознанием и самосознанием, ответив не на каждый вопрос в отдельности, а на все три в единстве. А именно: если я этого хочу, то могу ли я это сделать? Если я могу так поступить, то хочу ли я этого, а, поступив так, останусь ли я при этом собой, сохранив свое "Я"? Смысловая связь этих составляющих для разных людей, очевидно, будет различной, и в этом проявится интерпретационная концепция каждого.

Но обособление, определенность, идентичность личности предполагает необходимость поиска ее особенного способа *включения* в действительность. Здесь выступает функция интерпретации, связанная с *самовыражением* "Я".

К. Юнг связал особенности самовыражения с типами интро- и экстраверсии и одновременно — с типами западной и восточной культуры: "На Востоке внутренний человек всегда имел такую твердую власть над внешним человеком, что

у мира не было никаких шансов оторвать его от своих внутренних корней, на Западе же внешний человек забрал такую власть, что она заставила его отвернуться от своей сокровенной сущности и глубинного бытия" [17, с. 521]. Полярность типов заключается в преобладании у западного ценности разума, сознания, а у восточного — именно экзистенциального пласта своего бытия, самооценности личности и ее души. Восточная культура, разработав искусство "техник", позволила своему человеку работать с низшими психофизическими состояниями и, ослабляя таким способом силы "Эго", поднимать вверх уровень коллективного бессознательного, осуществлять *самоосвобождение силы духа*. Для западного человека главным условием является разумность и вера в Бога, поэтому средством самоосвобождения оказывается институт церкви и ее "техники". "И Запад, несмотря на свою экстраверсию, тоже имеет средство обращения с душой и ее запросами; в его распоряжении институт церкви, который дает выход неизвестной душе" [там же, с. 515]. Самого же человека религия не научила своими силами давать *выход* душевным процессам.

Таким образом, *способ* самовыражения связан с типом культуры, который обеспечивает преобладание в нем рационального или экзистенциального, иррационального, а также с экстра- или интровертированным типом личности. Скрытый в юнговской формуле парадокс заключается в том, что именно восточный интроверт менее эгоцентричен в сравнении с западным экстравертом в силу коллективного характера его бессознательного, а также непрерывной работы его души. "Это наша собственная душа, — писал Юнг, — которая неустанно трудится, создавая новые духовные формы и духовные силы" [там же, с. 495].

Определенность способа самовыражения или, точнее, *выраженность* нашей личности предполагает следующую функцию интерпретации — ее постоянную, возобновляющуюся "деятельность", поскольку непрерывно меняются жизненные, социальные ситуации, расстановки сил в них, происходят все новые события, которые требуют от личности определенности ее отношения к ним и поведения.

Динамическую функцию интерпретации субъект осуществляет следующими возможными способами, решая такие задачи:

1. Ликвидирует смысловую неопределенность ситуации, обстановки.

2. Выявляет скрытую сторону, неявный смысл происходящего, достигая той "высоты, на которой ее смыслы рвут пространственную мысль, и, снимая с фактов всю их условность, в единичном показывают всеобъемлющее и всеобщее" [14, с. 205].

3. Ищет способы проверки своей гипотезы путем создания версий, догадок и т.д.

4. Выявляет совершенно *новый, неожиданный* смысл посредством свободной композиции привлекаемых данных.

5. Стремится к выявлению противоречий, диссонансов и удерживает их (благодаря способности удерживать противоречия до состояния их оформления в проблему, выявленную в наших исследованиях [9, 10] по методике Гилфорда).

6. Использует метод *реинтерпретации*, интерпретируя *повторно* и ход своей первичной интерпретации, и, главное, вывод.

7. Соотносит (или не соотносит) свои версии, мнения, конструкты с версиями других людей.

8. Вырабатывает *критическое* отношение к информации, версиям и аргументам других людей, лежащим в плоскости обыденного сознания [28].

9. Осуществляет *рефлексию* собственных оценок и суждений, добиваясь определенности критериев такой рефлексии.

10. Соотносит всю "работу" интерпретирования с "Я"-концепцией и жизненной позицией.

Интерпретируя, субъект *минимизирует неопределенность* действительности, придавая определенность своему мнению, выводу и выбирая способ самовыражения, адекватный этому мнению, т.е. решает всю совокупность задач. Чем более интегрированы "точки отсчета", координаты интерпретационного комплекса, тем более выраженными являются мнение субъекта и способ объективации.

Интерпретационные конструкты субъекта имеют следующие *формы*:

суждение, характеристикой которого, в отличие от его логического определения, является *интегрированность* всех составляющих *в едином времени и пространстве*;

рассуждение, которое определяется протяженностью, развернутостью, последовательностью времени привлечения данных, аргументов;

диалог — с реальным или воображаемым партнером или самим собой;

наррация, возникающая, по мнению О.М. Фрейденберг, произвольно, характеризующаяся *удвоением времени* (время вербализации не совпадает со временем сюжета) [14, с. 223] и др. В наррации отражается становление субъектного мира, отделенного от объектного и во времени, и в пространстве [там же, с. 227].

В наших предшествующих исследованиях выявились два основных типа интерпретирования: субъективный (создание своей авторской концепции, т.е. собственного мнения) и объективный (более детальное воспроизведение мнения или концепции другого) [9]. Когда функция интерпретирования связана с достижением самовыражения личности, возможно *совмещение объективной и субъективной* позиций (дифференцирующихся у разных типов при интерпретации научной концепции). Субъект может выражать то свою позицию, "точку отсчета", то объективную, т.е. извне привлекаемую точку зрения (это может быть действительно объективная или просто извне поступающая версия).

Чрезвычайно важна при раскрытии функций и форм интерпретации их своеобразная прямая и обратная связь с субъектом интерпретирования: чем выше *идентичность субъекта*, тем определеннее его *мнение* и способ самовыражения; чем более *определенно* выражает себя субъект в *сложных, меняющихся и противоречивых условиях*, тем большую уверенность он обретает.

Последней функцией интерпретации является создание личностью своего *внутреннего субъектного мира*, который принимает форму ценностно-смыслового конструкта, выражающего понимание и объяснение субъектом мира и самого себя. Связывая характеристики внутреннего мира личности с ее "Я", этот мир обычно квалифицируют в категориях идеального и реального, понятийного, логического или иррационального, интуитивного [19, 20, 24, 25]. Представляется, что внутренний мир личности – это *принципиальная обобщенная интерпретация* своего "Я", своей тождественности в изменчивости жизни, обстоятельств и ситуаций. Во-первых, она связывает воедино и *разные уровни "Я"* – бессознательный, неосознаваемый и осознанный, сознательный (проективный). Во-вторых, она осуществляет интеграцию "Я" внутреннего и множества его проявлений, объективаций, самовыражений и самоосуществлений, устанавливая прямую и обратную связь между ними. Первая интерпретация выражает единство личности, согласованность, координированность уровней ее способа существования и самоосуществления или констатирует противоречивость, непонимание себя в своей непоследовательности и диссонансах.

В своем внутреннем мире личность интерпретирует собственную состоятельность–несостоятельность, степень реализованности своих желаний и надежд в связи с затраченными усилиями, объективными возможностями и реальными достижениями.

Интерпретация внутреннего мира обеспечивает его целостность, осуществляет абстракцию (или дистанцирование) от времени и давления внешних обстоятельств, достигает единства множественного и противостояния изменению. Э. Эриксон отметил лишь некоторые из этих аспектов при определении идентичности [21]. Э. Фромм предложил два глубочайших основания дифференциации типов по своеобразной интенции внутреннего мира: "быть" или "иметь".

Анализируя способы интерпретации, мы выделили ряд других оснований для дифференциации жизненных типов:

- по *субъект-объектному* основанию дифференцируется авторская или исполнительская (объектная) позиция в жизни ("я сделал свою жизнь" или "жизнь сделала меня таким");

- по степени *консерватизма–радикализма*: консервативный тип раз и навсегда осуществляет интерпретацию, содержащую априорный вывод ("я таков, каков есть"), которая блокирует способность и потребность в переработке и переосмыслении новых данных и диспозиций, объективно открывающих новые возможности; радикальный тип часто избегает обобщать в интерпретациях прошлое, дистанцируется от настоящего, проеци-

руя свою интерпретацию в будущее, что дает ему свободу для новых интерпретаций. Прогрессивный тип сохраняет гипотетическое отношение к миру, с одной стороны, имея обобщенную определенную позицию для формулировки гипотез, с другой – будучи побуждаем потребностью сознания в их проверке;

- по *типу связей*, на основании которых строится интерпретационное обобщение: в способе интерпретации может доминировать а) модель жестких причинно-следственных связей, однолинейных, исключающих возможность множественности детерминант; б) модель допущений – своеобразная теория относительности, условности, сослагательности связей (категорий, если допускается неопределенность, иные возможности, что не исключает определенности самой авторской позиции и предполагает лишь ее готовность к изменениям, неожиданностям).

Интерпретационные координаты, составляющие конструкт внутреннего мира, имеют ценностный характер. По способу интерпретации они достигают мировоззренческого уровня обобщенности или остаются в пределах эгоцентрического, узколичностного. В первом случае контекстом интерпретаций и обобщений являются общечеловеческие, во втором – сугубо личностные ценности.

Но не означает ли это, что в первом случае интерпретатор перестает быть субъектом, утверждая ценности общечеловеческого масштаба и уровня? Ответ на этот сложный вопрос невозможно получить, лишь сравнивая уровень ценностей, необходим анализ самого *способа интерпретации*. В этом способе заключено особое соотношение абстрактных общечеловеческих ценностей и реальных конкретных жизненных коллизий. Субъект становится субъектом интерпретирования не потому, что он способен поверхностно рассуждать о данной жизненной коллизии на языке высших ценностей и категорий, а потому, что каждый раз он может дать конструктивный ответ, удовлетворяющее этим принципам решение проблемы. Соединяясь с конкретными данными, высшие ценности *придают им новый смысл*, явление которого невозможно при поверхностном наложении ценностей на определенную дилемму. Мировоззренческими данные категории и ценности оказываются не только по своему общечеловеческому контексту, но и потому, что они являются конкретизирующими абстракциями, которые дают возможность субъекту достигать конструктивности в конкретном интерпретировании. Таким образом, ценностно-мировоззренческий уровень сознания выводит субъекта в общечеловеческое, ценностное пространство, превращая его внутренний мир из интро- в интерперсональный; расширение же интерпретационного прост-

ранства дает его субъекту особую способность концентрации и глубину сознания. Однако эта способность субъекта ценностно-мировоззренчески интерпретировать действительность, отношения, ситуации и других людей обеспечивается особенностями не только его сознания, но и *экзистенциальности*. Обычно говорят о роли бессознательного в расширении возможностей и креативности сознания. Возможно, что само бессознательное есть не что иное, как психологический способ интерпретации экзистенциального бытия человека. Экзистенциальность же – это способ воспроизводства всех модальностей человека, его природно-чувственного бытия в единстве со всем тем, что считается внешней природой, природой другого человека, со всем тем, что он способен охватить своей экзистенциальностью [12]. Принято говорить о пространстве тела, о межличностном пространстве, но столь же правомерно, не ограничив человека его организмом, физиологией, телом, говорить об экзистенциальном пространстве как его особом единстве с миром. Экзистенциальность – это душевно-чувственное воспроизводство, т.е. непосредственный способ жизни, ее процесс. Именно здесь впервые преодолевается субстанциальность данных форм, через посредство которых находится способ единения человека с миром и осуществляется самовыражение. Экзистенциальность не может быть описана в категориях восприятия или деятельности органов чувств, чувственной ступени познания. Это действительно чувственная “ступень”, уровень, но не познания, а самой жизни, на котором происходит перевод биологического в природное, свободный поиск природных способностей, уже оторванный от потребностей. Бессознательное – иррациональный, не категоризованный способ проявления природных сил, и в этом смысле в способе воспроизводства своей индивидуальности человек свободен. Экзистенциальность выполняет функцию нового способа соединения всех модальностей бытия человека и направлена на поиск способа действия, соответствующего такому единству. Она соединяет его чувствительность – в широком смысле слова – с воображением (непроизвольной образной сферой, игрой) как неким способом дистанцирования от чувственности, отхода от эмпиризма и в этом соединении апробирует свою способность чувствования и сочувствования. Тело овладевает языком танца, лицо – языком выражения чувств, слух – языком и в единстве с телом – ритмом музыки. Бессознательное на своем интуитивном языке резонирует с действительностью (отнюдь ее не отражая), определяя свой чувственный способ связи с ней. Таким образом вскрывается *ценностно-интерпретационная* связь двух – на первый взгляд казавшихся полярными полюсов или уровней – сознания и экзистенциальности. В экзистенциальности ярче непосредственные по-

зитивно-негативные, эмоциональные модальности ценностей, на уровне сознания определеннее их конструкторы. Ценности выступают не как кванты интерпретаций, а как способы связей тех явлений, которые интерпретирует субъект, будь то люди, события, поступки, слова. Экзистенциальность вся интерпретирована, но интуитивно, образно-метафорически, эмоционально-смысловое. Она первична исторически и онтогенетически, но сохраняется у взрослой личности, функционируя способом, типичным для ее национального типа (и архетипа) и индивидуальности.

Поскольку экзистенциальный способ связи взрослой личности с миром скрыт многими пластами самосознания, рефлексии и самоконтроля, связанными с социализацией, и немногие типы людей могут обнаруживать себя на этом уровне, его особенности легче выявлять в период развития ребенка. Если у взрослой личности интерпретация становится развитой процедурой сознания, то у ребенка можно предположить и проследить эволюцию интерпретаций, связанную с экзистенциальным “Я”.

* * *

Основа первичного “Я” – *экзистенциальное единство* с матерью, чувство общности (“Мы”), которое подчеркивают С.Л. Рубинштейн и В.И. Слободчиков. *Способ самовыражения* есть проявление *индивидуальности*, ее первичная свободная игра. Такая свобода не означает обособления ребенка от матери. При всей бессознательности проявлений “Я” ребенок *выбирает* такие психические средства своей экзистенциальной жизни, которые служили бы большей степени его выраженности и выразительности. Эгоцентризм, таким образом, состоит не в замкнутости в себе или на себя, а в *концентрированности* индивидуальных способов самовыражения.

Экзистенциальные способы осуществления своей индивидуальности постепенно образуют систему, внутренний контур ее пространства, стержнем которого сначала становится *саморегуляция*. Именно механизм саморегуляции связывает в единую функциональную систему чувственно-эмоциональную, двигательную и другие формы активности ребенка. Саморегуляция, все более упорядоченно координирующая эмоционально-потребностную и потребностно-действенную активность ребенка, составляет первичную основу чувства “Я”.

Регуляция своих чувств и состояний, надежд и страхов осуществляется в единстве с регуляцией собственных действий в общем контуре саморегуляции, но эти способы не всегда совпадают во времени и пространстве. Действия определенным образом размещаются в знакомом и незнакомом

пространстве отношений и событий, ситуаций действительности, в котором так или иначе решаются задачи, поставленные самим ребенком. Диалектика обособления (эгоцентризма) на основе саморегуляции и включения, вхождения в мир фиксируется в бессознательной смысловой сфере ребенка, которая окрашена и побуждаема сначала первичными – радость и страх, а затем – более сложными и разнообразными чувствами. Диффузный характер саморегуляции сменяется все более упорядоченным, сфокусированным, целесообразным, что образует *уверенность* как важное *обобщенное чувство “Я”* [19].

Первоначальная экзистенциальность исключает границу между внутренним и внешним. Возникающие позднее *отношения* с миром также не имеют этой границы. Но есть период детства, который можно назвать периодом эгоцентризма, когда появляется эта граница.

Как она возникает? На первой стадии появляется противоречие, выступающее в виде когнитивного диссонанса (по Л. Фестингеру), если отношение матери и ребенка к одному и тому же объекту, предмету не совпадает по знаку, смыслу, эмоциональной характеристике. Первый консенсус в форме силлогизма “я люблю это, потому что это любит мама (так же, как мама) = мы это любим (или – я люблю маму – то, что она любит)” сменяется первым диссонансом “я это люблю, а мама – не любит”. Минимизация диссонанса ведет к усилению чувства “Мы”, общности, а усиление – к появлению когнитивной способности удержания различия смыслов.

При *встречном* характере отношений ребенка и матери роль объектов, предметов уменьшается и на первый план выступает совпадение–несовпадение их *отношений*. Вначале оно ситуативно. Ребенок тянется ко взрослому с лаской в момент, когда тот занят. Он хочет более длительного общения, чем на это соглашается мать, он удерживает ее – она уходит. Первоначально переживая проблему эмоционально, он научается сам создавать определенные ситуации, когда выжидает возвращения с работы усталых родителей и выбирает удобный момент, чтобы рассказать им что-то интересное или дать обещание сделать необходимое для получения желаемого.

Установление этих цепочек не просто организация системы действий, но осознание проблемы и выявление причинно-целевых связей между своим “Я” и состояниями, желаниями, отношениями других людей. Эти маленькие проблемные ситуации в диаде “Я”–“Другие”, постепенно обобщаясь, образуют *ценностные “мосты”* отношений.

Нерасчлененное психофизическое единство с матерью на этапе младенчества, казалось бы, должно уступить место другой форме единства – партнерству, совместной деятельности, в которой происходит освоение ребенком человеческих навыков и способов действия. На самом деле это партнерство и совместность осуществляются уже во внешнем пространстве, где доминирует мать, которая поощряет его успехи или критикует ошибки, но чаще по отношению к “правилам” действий, а не к самому ребенку. Потребность в самостоятельной организации общего пространства сталкивается со способом его организации,

идушим от матери и связанным с этим научением, ограничением, направлением, даже подавлением. Комфортность первичного чувства “Я” в единстве с матерью сменяется диссонансом, приходит в противоречие с потребностью самовыражения, с желанием самому организовать свои действия и научающим доминированием матери.

Базовые чувства радости и страха сменяются более глубокими переживаниями – разочарования, печали как выражением диссонанса, не оправдавшихся ожиданий. Ожидания желаемого сталкиваются с требовательностью. Постепенно возникает пролонгированная форма ожидания – *терпение*. Это мало исследованная форма ожидания – *терпение*. С ним связана разная архитектура эмоциональной триады “гнев–радость–печаль”, выделенной А.Е. Ольшанниковой. Печаль связана со страхом разочарования, переживанием своей незначимости (зависимости), с одной стороны, и радостной надеждой “Я” на будущее осуществление желания – с другой. В этот период переживаемые ребенком эмоции и эгоцентричны, и подстраиваются к тому эмоциональному настрою, который способен создать и поддержать взрослый.

Наибольшая яркость и свежесть первых пробуждений от сна, восторгов общения с гостями, веселья, сказок и песен создает первые потребности в чувстве полноты экзистенциального мира, обогащающей его жизни. Нарушение этого склада вызывает протест, капризы, неудовольствие.

Опора в реализации своих потребностей на окружающих иногда делает личность не только зависимой от них в своей экзистенциальности, но и психически дефицитной, что проявляется в *чувстве скуки*, неумении заняться чем-либо длительное время в одиночку, получить удовольствие от общения и игры. Скука (в отличие от досконально осмысленных детских неврозов) – самый серьезный дефект в развитии ребенка, его “Я”, преграда связи эмоциональности и сознания. Она становится основой инфантильного типа личности – полезависимой, ситуативной, неспособной к пролонгированной активности, целеустремленности. Скука приводит к эрозии первоначальной силы эмоций – делает личность равнодушной, а позднее препятствует развитию чувств, особенно нравственных. Это чувство рассматривается как житейский феномен, практически не включенный в число научно принятых психологией эмоций и чувств. На самом деле она становится экзистенциально обобщенным чувством, которое свидетельствует об отсутствии инициативы, деятельной мотивации, о дефицитности психической сферы и неспособности к адекватному самовыражению.

Иногда – пока только как эмоциональное состояние, а не обобщающая эмоция – возникает *агрессия*, связанная с разочарованием по поводу неудовлетворенных желаний, с протестом против насилия. Позднее, обобщая неудавшиеся способы самовыражения, она становится активным свойством характера, проявляющимся в межличностном пространстве.

Таким образом, первично основанием экзистенциальности оказывается некоторое доминирующее в ансамбле других (“доминанта” – по Ухтомскому) чувство, простая или сложная “интонация” (по Рубинштейну). Это обобщение осуществляется *интерпретацией*, которая вовлекает множество самых различных (иногда противоречивых) отношенческих, деятельных, поведенческих, событийных, эмоциональных составляющих. Здесь для раскрытия особенностей интерпретации существенен проведенный Б.Ф. Ломовым анализ природы интеллектуального обобщения и введенное им понятие “мера”. В случае если интер-

претация происходит бессознательно, основой обобщения может стать достаточно частная составляющая, одно событие, одно (сильнейшее) впечатление. Бессознательно субъект *выбирает* как наиболее ценное, желательное (нежелательное) именно это переживание, создавая тем самым *определенную* проекцию, интенцию [19].

Противоречие между активностью и самостоятельностью ребенка и его зависимостью порождает широкий спектр его психических особенностей, которые могут не соответствовать первоначальной индивидуальности; впоследствии же они составляют основу характера. Первая особенность заключается в *степени выраженности* всех психических проявлений. Невыразительный, невыраженный ребенок становится пассивным, его эмоциональности присущи печаль и стремление к одиночеству. Вторая проявляется в фиксации негативного состояния, раздражительности, которая в дальнейшем может перерасти в агрессию или экспектацию негативных воздействий, страх. Обаятельные дети, с оптимально сложившимся комплексом психически экзистенциальных проявлений, резко отличаются от несвободных, приниженных, угрюмых. У одаренных детей возникает оптимальная композиция чувственных и интеллектуальных способностей, они с особой силой выражают свою индивидуальность. Представляется, что способ самовыражения, вбирающий указанные противоречия и так или иначе разрешающий их, оказывает обратное – позитивное (негативное) – воздействие на индивидуальность ребенка, его первичное “Я”. Ребенок становится уверенным–неуверенным, самостоятельным–несамостоятельным. Механизм самовыражения интуитивен. Его функционирование происходит в экзистенциально-смысловом пространстве личности, на “языке” которого осуществляется позитивно-негативная, чувственно-интеллектуальная интерпретация как фиксации способов связи с миром, определение важнейших координат этих связей.

Интерпретация, таким образом, не просто подтверждает идентичность “Я” в его разнообразных проявлениях – отношенческих, поведенческих, эмоциональных. Напротив, идентичность, определенность “Я” создается *интегративной* функцией интерпретации, которая конструирует экзистенциальное, интерперсональное пространство из множества отношенческих, поведенческих, эмоциональных составляющих. “Я” – не замкнутое в себе образование, а проявляющееся экзистенциально разнообразным и все более *определенным* образом. Так, из *потребности* самовыражения, на которую обратила внимание еще Ш. Бюлер, появляется *способность* самовыражения [18]. Она определяется тем, что интерпретация не только создает индивидуальные комплексы и композиции, но и разрешает вышеуказанные противоречия.

Известен спор С.Л. Рубинштейна и Ж. Пиаже по поводу эгоцентризма ребенка, который воспроизведен на страницах “Основ общей психологии” [7]. Пиаже “привязал” понятие эгоцентризма к альтернативе социальности–асоциальности и характеру детской речи (аутизму). Он выпустил из поля зрения индивидуальность и потребность самовыражения, учтя только способность противостоять или подчиняться социуму. Рассматриваемый им этап эгоцентризма является гораздо более поздним по отношению к анализируемому нами. Рубинштейн же, не употребляя в данном контексте понятия самовыражения, явно имеет его в виду, поскольку при анализе детской речи на основе экспериментальных данных, полученных его сотрудниками, показывает, что ребенок стремится не только понять взрослую речь, но и *быть* понятым взрослым. В этом заключается *потребность* выразить себя [22].

Способность выразить себя реализуется и в общих, и в специальных способностях ребенка (и попытках их применения), и в его познавательной активности, но важно подчеркнуть, что до того момента, пока они не объективируются в деятельности (практической, познавательной), он не получает доказательств и критериев своей успешности–неуспешности. Необходимую *определенность* способам его самовыражения дают принципиальные и постоянно возобновляющиеся *интерпретации*. Они приобретают все более интегральный характер и, вовлекая в новые смысловые конструкции действия, отношения и чувства, создают новое качество “Я”. На этой основе закладываются два “мировоззренческих” для детского “Я” чувства – *любви и ответственности*. Первое выражает его потребность и способность в установлении связи с миром, второе – потребность и способность дистанцироваться от него в своей самостоятельности. Психологами детства были отмечены противоречия, являющиеся источником развития ребенка, – в основном между его потребностями и способами деятельности, которыми он сумел овладеть [12]. Выше мы выявили ряд других противоречий, возникающих в межличностном экзистенциальном пространстве, главное из которых – это потребность и необходимость выразить свое “Я” способом, приемлемым для окружающих, учтя именно их требования, ожидания, “Я”.

Первичное единство “Мы”, постепенно обостряемое противоречиями, приводит к обособлению “Я” и – на новом уровне – построению отношений “Я”–“Другой”. По-видимому, качество личности как субъекта, ее подлинное “Я” возникает с появлением потребности и способности к построению *идеальных* отношений с миром, которые экзистенциально реализуются чувствами любви и ответственности. Любовь, связанная с самым корнем “Я”, противоречиво выражается в

двух потребностях – любить и быть любимым. Потребность любить – это прежде всего потребность выхода за свои пределы, преодоление замкнутости собственного “Я”, потребность в другом человеке. Напротив, потребность быть любимым – это потребность в экзистенциально-эмоциональном (другим, а не мной) утверждении своего “Я”, его ценности.

Как разрешается это противоречие? Посредством кардинального “переворота” в сущности “Я” – *превращения потребности в способность любить*. Поразительным в этом превращении является то, что одновременно удовлетворяется (или во всяком случае отступает на задний план) потребность быть любимым. Потребность быть объектом любви другого “вытесняется”. Все силы “Я” устремляются на другого, вовлекаются в мощный поток этой способности, уносящей обломки эгоцентризма. Они направляются на “усиление сущности другого” (так определил суть любви С.Л. Рубинштейн). Соединение потребности и способности любить дает “Эго” огромную силу, самодостаточность, *способность удовлетворяться переживанием любви, умением любить и выразить свою любовь*.

Иной план, но того же противоречия – зависеть от других или быть свободным, разрешает ответственность. Именно это чувство, если оно возникает, освобождает “Я” от контроля и власти других, поскольку личность становится сама субъектом реализации необходимости.

Благодаря чему осуществляется это превращение? Личность заранее гарантирует, что справится с необходимостью, трудностями, разрешит противоречия своими силами. Из объекта контроля она становится субъектом самоконтроля, одновременно переживая возможность саморегуляции, силу самоорганизации.

Долженствование – это всегда определенность, а определенность, строгость, самоконтроль гарантируют честность перед самим собой и исключают необходимость лжи. Ребенок горд, если сумел сказать правду, поскольку он чувствует, что преодолел свою слабость, страх наказания, желание “свалить” на другого. Честность – это та же *определенность*, которая достигается интерпретацией. Она исключает “двойной отсчет” лжи, непосредственно связана с силой “Эго”, обеспечивая *идентичность, верность* самому себе. Боязливость, объясняемая наличием внешнего контроля, всегда ведет к несовпадению внутреннего и внешнего, что и создает предпосылку лживости характера и поведения.

Можно резюмировать, что в своей ответственности и трудности нравственного самовыражения ребенок впервые не столько свободен, сколько одинок перед необходимостью противостоять миру как сложному, противоречивому, *проблем-*

ному. Но его “Я” дает позитивную интерпретацию этого одиночества как способности справиться с трудностями ситуаций, отношений и любого дела своими силами. В переживании и осуществлении ответственности так же, как и в любви, происходит “перенос” своей позиции во внешний мир. Оставаясь собой, ребенок начинает видеть себя “со стороны”, глазами других. Он преодолевает соблазн нравиться, быть “хорошим”, выходя за свои пределы в межличностное пространство, стараясь сохранить верность этому “Я”, оставаясь им.

Владение способами самоуправления, самоорганизации дает ребенку объективную и субъективную свободу. Он меньше принуждаем и наказуем, чем тот, кто предпочитает свободу самовыражения только как внутреннюю, но не может разрешить возникающие противоречия, лжет или приспосабливается.

Ответственность ребенка не фиксируется определенными правилами как социальная ответственность, не обеспечивается никакими правами и не нуждается ни в каких защитах. Ответственность есть принятие на себя роли старшего, конечного, последнего, единственного, в руках которого сходятся все нити, оказываются все судьбы и жизни. Ответственность – это признание себя как единственной причины и единственного следствия будущего. Ответственность одновременно глубоко экзистенциальна, поскольку она идентифицируется с сущностью “Я”-реального, с сущностью настоящего времени как детерминанты будущего. Ответственность как интерпретация придает определенность, давая гарантию того, что “Я” имеет свои силы, собственное мнение, которые употребит для лучшего.

Почему ответственность является *идеализацией* отношений с миром? Потому что она заранее, до любого действия, поступка, *гарантирует* его оптимальное (по критериям нравственности или продуктивности) осуществление безотностительно к возможным противоречиям и трудностям, которые могут возникнуть в ходе его реализации (см. [1]). “Я” развивает способность разрешать противоречия, справляться своими силами, тем самым *дистанцируясь* от давления внешней необходимости. Овладение своими способностями, ресурсами и умение объективно оценить собственные силы дают личности своеобразный “запас прочности”, который позволяет ей идти на риск, связанный с неопределенностью или трудностью сферы предстоящей деятельности [2, 3]. Так же как в сознании взрослая личность *удерживает* цель, так же “Я” своей ответственностью *удерживает* (гарантируя его достижение) результат, прогнозируя реальность его достижения.

Переживание своей самостоятельности, наполняющее личность чувством уверенности, дает

ей силу для доброты и великодушия в отношении другого, особенно слабого. Это уже не любовь в собственном смысле слова, но то понимающее, прощающее, опекающее другого отношение, которое и является, по мнению С.Л. Рубинштейна, собственно человеческим. Овладение ответственностью за свои действия при таком отношении очень часто превращается в возложение на себя ответственности за других.

Анализ этих чувств позволяет ответить на вопрос об эгоцентризме личности. Становясь по существу альтруистической в своем отношении к другим или другому в любви и ответственности, она укрепляет свое "Я", но *в качестве субъекта*. Овладевая идеальными способами взаимоотношений с миром, личность одновременно переживает их как экзистенциальные чувства и укрепляет свою экзистенциальность. Она уже не просто выражает, но *осуществляет* себя. Этим снимается всякое противоречие между эгоцентризмом и альтруизмом.

В наших исследованиях интерпретации авторской концепции [9, 10] было выявлено, что априорная интерпретация не является оптимальным вариантом, поскольку исключает дальнейшее размышление, интерпретирование. В данном случае чувства любви и ответственности определены и одновременно идеальны, проективны. Любовь – приятие другого со всеми его слабостями и недостатками. Ответственность – личностная гарантия. Однако эта идеальность выступает как обобщение и абстракция от всех предшествующих смысловых интерпретаций и конкретных противоречий, возникающих во взаимоотношениях с миром и другим. Эти чувства есть те два способа решения множества противоречий, которые дают личности запас прочности и силу для решения противоречий *другого масштаба* в созданном ей экзистенциальном пространстве любви и ответственности.

Именно идеальная категоричность этих чувств, с одной стороны, и стремление ребенка объективировать себя в формах жизни и деятельности – с другой, создают предпосылку для возникновения *самосознания*. Многие исследователи отмечают невыявленность соотношения "Я" и самосознания, как и соотношения самосознания и "Я"-концепции [19, 25]. Основным критерием самосознания является способность осознать себя в качестве *объекта*. Представляется, что наш анализ развития "Я" личности ребенка позволяет выявить некоторые зависимости, скрытые у взрослой личности. Экзистенциальная и одновременно идеальная определенность "Я" порождает *способность самосознания*. *Достигнутый уровень субъектности* дает силы, уверенность и возможность выступить для самого себя в качестве объекта. Только тогда, когда субъект находит опре-

деленный консенсус в своих взаимоотношениях с миром, переставая испытывать потребность быть объектом контроля (и требований) или любви, он обретает *способность стать объектом* для самого себя. Предпосылкой этого является овладение саморегуляцией, самоорганизацией, самоконтролем.

За этапом самовыражения следует этап *самореализации*: поиски стратегий самореализации требуют идеализации своего "Я", что и осуществляется процессами самосознания. Самосознание первоначально создает образ, затем – представление о "Я", совмещая в них, как в фокусе, восприятие и переживание себя самим и глазами, чувствами других [21]. Следующий этап – *самутверждения* – связан с выработкой механизмов и стратегий утверждения себя, нахождения своего места в социальном пространстве [15, 22].

Отношение к себе и другим, свойственное самосознанию, становится возможным именно благодаря этой определенности, а не только в силу восприятия себя как объекта. *Одновременно оно и проблемно*, требует определения, познания себя для преодоления противоречий и трудностей самовыражения, самореализации. Так, из интегрированности "Я" появляется конструкт самосознания. Оно устанавливает также идентичность в изменяющемся времени и пространстве, осуществляет поиск тождества в изменениях, собственной сути в противоречиях и неопределенности. Так же как "Я" имеет типологические особенности (которые мы проследили выше), состоящие в преобладании чувства, делающего радикально различным способ самовыражения, так же, по-видимому, и самосознание имеет типологический характер. Одному типу личности самосознание дает чувство самоценности, собственного достоинства, другому – чувство неполноценности, неуверенности в себе. С. Московичи считает, что француз уже рождается с чувством собственного достоинства. На наш взгляд, российская личность утверждает своим сознанием собственное достоинство только в результате огромных жизненных усилий.

Именно потому, что и экзистенциальное "Я", и самосознание личности ребенка может развиваться не только оптимальными путями, психология, желающая обеспечить благо будущего поколения, не должна пройти мимо познания, осмысления всех сложностей и особенностей этого развития. Для российской личности – современной своей трагической эпохи наибольшую ценность и трудность представляет обретение своей подлинности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Берберова Н. Рассказы в изгнании. М., 1994.

3. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.—Воронеж, 1996.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979.
5. Мясницев В.Н. Личность и неврозы. Л., 1973.
6. Рикер П. Конфликты интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
8. Рубинштейн С.Л. Отрывки из дневников // Психол. журн. 1999. Т. 20, № 4.
9. Славская А.Н. Интерпретация как предмет психологического исследования // Психол. журн. 1994. Т. 15, № 3. С. 78–88.
10. Славская А.Н. Интерпретация как механизм правовых представлений личности в российском обществе // Психол. журн. 1998. Т. 19, № 2. С. 3–14.
11. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве-времени детства. М., 1997.
12. Филиппов Л. Философская антропология Жан-Поля Сартра. М., 1977.
13. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989.
14. Фрейдберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978.
15. Харламенкова Н.Е. Способность отказать в просьбе как психологический механизм самовыражения личности // Сознание личности в кризисном обществе. М., 1995.
16. Чеснокова И.И. Проблемы самосознания в психологии. М., 1977.
17. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. СПб.—М., 1997.
18. Bühler Ch. Der menschliche Lebenslauf des psychologischen Problem. Berlin, 1933.
19. Chelin I. The awareness of self and the structure of ego // Psychol. Rev. 1944. № 8.
20. Eddy P.D. Loneliness: A discrepancy with the phenomenological self. Doctoral dissertation. Adelphi College, 1961.
21. Erikson E.N. The problem of identity // Amer. Psychoanal. Assn. 1956. V. 4. P. 56–121.
22. Goffman E. The presentation of self in everyday life. N.Y., 1978.
23. Helgard E.R. Human motives and the concept of the self // Amer. Psychologist. 1949. V. 4. P. 38–62.
24. May R. Man's search for himself. N.Y., Norton, 1953.
25. Moore J.A., Sermat V. Relationship between self-actualization and self-reported loneliness. Can-Counsel, 1974. V. 8(3). P. 194–196.
26. Moscovici S. Social influence and social change. L., N.Y., San Frans., 1976.
27. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences. Interpretation theory: Discourse and the surplus of meaning. Forth Worth, Texas, 1976.
28. Shaftesbury A.A.C. Characteristics of men, manners, opinions, times / Ed. J.M. Robertson. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1964.

RELATION BETWEEN EGOCENTRISM AND ALTRUISM IN PERSONALITY: INTERPRETATION

A. N. Slavskaya

Cand. sci. (psychology), sen. res. ass., IP RAS, Moscow

The problem of relation between egocentrism and altruism in personality is considered. It is shown that stages of development and contradictions of egocentrism-altruism relation are depended upon and solved by interpretations in consciousness and by existential ways of personality's relations with the world. The main functions of interpretation providing self-expression, identity, peculiarities of inner world of personality and stages of Ego development are reconstructed theoretically and in terms of ontogenesis.

Key words: interpretation, reinterpretation, integration, generalization, abstraction with concrete expression, existentiality, self-consciousness, self-regulation, self-expression, Ego, egocentrism, altruism.